

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

ПРЕВРАТНОСТИ "РАДИКАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕФОРМЫ"

© 1995 г. Астахов А.С.

(Москва)

Что произошло в экономической жизни российского общества за годы преобразований, удались ли преобразования вообще и какие именно; изменилась ли экономико-социальная ментальность и что движет обществом в настоящее время; каковы его шансы для дальнейшего продвижения и ждет ли нас ускорение или торможение экономических реформ? Такие вопросы ставит и пытается на них ответить автор данной статьи.

Из множества сложных проблем экономического реформирования России выделим следующие. Что произошло в экономической жизни общества страны за годы преобразований? Удалось ли преобразования экономической системы и что именно? Что произошло с экономико-социальной ментальностью общества и чем оно руководствуется в настоящее время? Каковы шансы двигаться дальше и какова судьба экономических реформ?

Средства массовой информации и политики не устают давать полярные и сильно политизированные ответы на не теряющий актуальности вопрос: действительно ли в России происходит серьезная экономическая реформа, или же все осталось прежним, либо возвращается к старым временам, и говорить о каких-то новых реалиях просто нет оснований. Чтобы мотивировать ту или иную точку зрения по данному вопросу, посмотрим, какие конкретные перемены произошли в стране.

1. Реально ликвидирована старая система директивного централизованного планирования, распределения ресурсов и контроля со стороны государственных органов.

2. Осуществлен как формальный, так и скрытый раздел значительной части бывшей государственной собственности.

3. Большая масса людей в инициативном порядке перешла в новую сферу частного предпринимательства.

4. Налицо резкая поляризация населения по уровням личного достатка. При этом существенно изменился персональный состав групп с разной степенью обеспеченности.

Чрезвычайно быстро появился и вырос мощный клан нуворишей трех видов: крупных воротил бизнеса, частных предпринимателей и криминалов. Первая группа сформировалась из старых властных структур (бывший партийный, советский и промышленный генералитет). Их представители, потеряв свои посты, нашли себя в новой достойной для них роли денежных магнатов; помимо этого, они имеют и хорошее лобби в новых властных структурах. Вторые пришли "из ниоткуда", "из грязи в князи" как активная и удачливая – в условиях общего безвластия – группа "молодых волков" (среди них преобладает молодежь). Третьи вышли из тех же кругов, что и первые, и вторые. Государство оказалось неспособным ни разумно патронировать первые две группы, ни противодействовать росту третьей. И выявилось это в тот период, когда еще не перерезаны слишком уж многие нечестные пути обретения

колоссальных личных капиталов. По факту использования этих путей личного обогащения и отсутствию морали строгих границ между тремя группами нуворишей не существует.

Одновременно произошло общее существенное падение уровня жизни остального населения и обнищание значительной части общества. К последней, в первую очередь, относятся пенсионеры и работники культуры, науки и здравоохранения.

5. Ликвидирован традиционный для советской экономики тотальный дефицит товаров, и рынок ныне полон главным образом за счет импорта. Этот рынок родился удивительно быстро и без какой-либо экономической поддержки государства.

6. Хозяйство и граждан изматывает галопирующая инфляция, делающая невозможной разумную экономическую деятельность. Однако за последние несколько месяцев темпы инфляции впервые заметно снизились, хотя ее механизм до сих пор не понят обществом, и нет никакой уверенности в том, что она не подпрыгнет вновь.

7. Сотни государственных и частных предприятий оказались в состоянии финансового краха и взаимной неплатежеспособности. Деньги куда-то "ушли" — от государства и от народа к нуворишам. А нувориши пока не торопятся вкладывать приобретенный капитал в масштабное промышленное производство.

8. Совершенно явно утеряна общая управляемость страной на всех уровнях ее политической и хозяйственной жизни. Законодательная система как стройное целое пока не создана, между тем как законотворческие органы, кажется, озабочены не столько ее разработкой, сколько политическими играми. Контроль за исполнением имеющихся законов практически отсутствует. Инерционное соблюдение сохранившихся от "старой жизни" хозяйственных законов противоречит самому духу экономической реформы. В конечном итоге российские граждане спешат реализовать — каждый по-своему — все выгоды жизни в стране с бездействующим законом.

9. Неудержимо катятся вниз объемы производства почти во всех секторах экономики. Даже предприятия первостатейной важности и бесспорной эффективности не являются исключением.

10. Личная, общественная и производственная жизнь граждан стала абсолютно непрогнозируемой даже на ближайшее время. На фоне прежнего мертвенного застоя это сделало жизнь крайне тревожной и дискомфортной.

Сказанного вполне достаточно, чтобы утверждать: *смена экономической системы в стране происходит хотя и спонтанно, но быстрыми, подчас захватывающими дух темпами, и уже сегодня круто изменились основы жизни населения.* Причем личная хозяйственная активность миллионов слегка раскрепощенных граждан растет с сильным опережением средств эффективной государственной поддержки.

Страна стала за несколько лет совершенно иной и продолжает быстро меняться. Люди поняли, что решить экономические проблемы, абстрагировавшись от политических и социальных, нельзя, и, по-видимому, потребуется полная смена общественного строя. Похоже, что сейчас мы начали выбираться из наиболее опасной и тяжелой фазы экономического кризиса. Общество выжило и, приобретая опыт, уже почти открыто для новой жизни.

Вместе с тем оценка чисто организационного уровня осуществления реформ явно не может быть положительной. Ход преобразований был и остается крайне спонтанным. Их путь проходит через все мыслимые и немыслимые, естественные и искусственные препятствия. Успешно разрушив старую управленческую систему, мы не построили пока лучшей. Существующая новая система власти фрагментарна, непрерывно перекраивается и сильно отличается от прежней меньшей стабильностью, крайне малой управляемостью и внутренней конфликтностью. Она унаследовала от бывшей многие ее недостатки и значительную часть прежнего руководящего персонала, мыслящего старыми категориями.

Гораздо медленнее, чем предполагалось, происходят создание рыночного законодательства, реанимация дееспособного класса крестьян и чистка госчиновничества. Большинство прежних лиц чиновников пересело в другие кресла, причем число таких

кресел возросло, должностные льготы занявшим их не убавились, а коррумпированность госслужащих стала не только повсеместным, но уже и не скрываемым явлением.

Кажется, полной неожиданностью и для самих реформаторов, и для народных масс было то, что перестройка в целом оказалась столь длительной и мучительной. То, что пришлось претерпеть обществу на долгом пути, не было в начале перестройки его осознанным гражданским выбором. На протяжении всего этого периода общество попадало из одной тяжелой ситуации в другую, и каждая из них была для него неожиданной. Одним из важнейших результатов проводившейся политики реформ явилось, по нашему мнению, то, что общество, хотя и с трудом, но выдержало это испытание и все еще сохранило, хотя и снизившийся до абсолютного минимума, ресурс терпения.

Так что же произошло с экономико-социальной ментальностью общества за годы реформ, каков на сегодняшний день психологический эффект проводимой перестройки?

Ломка личностной ментальности была одним из наиболее важных и мучительно сложных элементов перестройки.

Homo sovieticus был запрограммирован так, что мало верил начальству, но знал, что без него он сам ничего не может. Он считал, что районные власти – жулики, зато во главе страны стоит справедливый отец народа. Этот народ даже приспособился к своей не очень обустроенной, но зато спокойной жизни и научился слегка прихватывать что-то от грозной, хотя плохо организованной "коммунии".

Что же касается очередных лозунгов реформ, то они всегда провозглашались с каждой сменой высшего начальства. Но до "района" они как-то не доходили, так что рассчитывать на что-то здесь вообще не приходилось. Увидев в очередной раз, что новые власти не лучше старых (или что новые – те же старые), люди такой ментальности ритуально равнодушно шли к избирательным урнам, не проявляя никакой политической активности. Карабкаясь по скользким ступенькам реформ, бывший советский гражданин все время ожидает, что власти его вот-вот снова обманут. И, несмотря на этот многолетний опыт, приход Ельцина поначалу сопровождался еще одним (если уже не последним) взлетом надежд.

С позиций общественного менталитета, текущий момент может быть охарактеризован как конец этой недолгой эпохи экономического романтизма общества – угасла вера в Мессию и в возможность реформ под руководством идеальных личностей. На глазах народа одни из благородных демократических Дон-Кихотов оказались неспособными практически управлять страной, а другие быстро перемалываются системой обретенной власти, превращаясь в матерых взяточников. Это интереснейший феномен личностной динамики людей, переходящих, победив, из оппозиционеров-диссидентов к рулю практической власти! Это – злая месть старой системы "вдогонку", отравленный плащ кентавра.

Но вместе с тем (что гораздо важнее) последние два года – это одновременно и период становления рыночной зрелости народа, четкого осознания, что в этом мире никто о тебе не позаботится, если не ты сам. Это период осознания, что собственные попытки открыть для себя новые пути могут быть очень эффективными. Иными словами, это – сдвиг ментальности широких масс от государственного иждивенчества к индивидуальным поискам ниш и самостоятельным решениям. Общество доказало свою способность к перестройке, не зависимой от малодеспособного государства. Оно опередило в своей трансформации государственные структуры, и это дает надежду на будущее.

Сейчас молодых уже не остановишь, да и некому. Правда, новые миллионеры сильно криминогенны. Но в целом все это – неизбежный путь столь нужного стране начального накопления крупных капиталов. В третьем поколении, как бывало всегда и везде, внуки сегодняшних финансовых носорогов будут выглядеть вполне респектабельно.

Вопрос о том, удалась ли реформа в целом, казалось бы, вполне закономерен. Но ответ, строго говоря, некорректен. Ведь во-первых, любые изменения не могут быть одинаково хорошими (или даже вообще хорошими), устраивающими всех. Общество стратифицировано и находится в состоянии рестратификации. И можно говорить лишь о сдвигах для отдельных социальных групп. А во-вторых, по ходу осуществления реформ менялись и сами цели их проведения, поэтому говорить о степени ее достижения просто невозможно. Инициаторам эта цель рисовалась гораздо более узкой: ведь еще в 1988 г. они и не покушались на коммунистический идеал.

Одним из результатов отмеченных выше изменений явилось "выцветание" лидеров экономических реформ, неожиданное для России с ее склонностью к обожествлению своих героев. Как и вожди любых социальных революций, инициаторы перестройки (и ее руководители, и "прорабы"), оказались не в состоянии остаться во главе движения: оно их опережало, и они уходили. Это – исторически закономерное явление: так было всегда в прошлом. Но сама возможность переоценки имиджа инициаторов оказалась для массового сознания ударом, чем-то новым и в целом неожиданным.

Были и крупные недостатки в той идеологии реформы, которая виделась ее инициаторам. И главным недочетом явилось то, что теория социалистической экономики никогда не рассматривала конкретного человека, личность в качестве участника экономического процесса. Мы имеем в виду личность, умножающую либо разрушающую своей реакцией теоретические схемы: в теории фигурировали только "классы", причем, в давно изжившей себя их интерпретации. Максимум, до которого подымалась горбачевская экономическая фразеология, – это признание роли "человеческого фактора". По тем же причинам теоретическая концепция слабо отражала понятие *интересов людей* как реальной, главной основы любого хозяйствования. За бортом и теории, и практики оставались силы социального взаимодействия людей и их сопротивления нажиму централизованной системы.

С учетом этих всегда существовавших, но ранее игнорировавшихся моментов, проблема осуществления реформ "сверху" стояла так. С одной стороны, нужно было реформировать экономику и старые институты, причем скорее – пока народ еще не устал от бремени переходного периода, а прежний аппарат не окреп вновь. С другой, перемены не могли быть чрезмерно быстрыми, чтобы ломка ментальности поспевала за ходом перестройки. Можно было бы аргументировать справедливость обеих линий поведения, но ясно то, что в конце 1980-х годов действия властей оказались заторможенными, и удобный момент "форсажа под энтузиазм масс" был упущен. Потеря темпа в первом (социально благоприятном) периоде перестройки снизила возможность осуществить ее быстро, позднее, т.е. сейчас. Во многом именно на этом фоне возник феномен некоторой общественной ностальгии по "спокойной" экономике "развитого социализма".

Оценка деятельности лидеров демократического направления, с позиции нынешнего дня, выглядит несомненно двоякой. Они дали хорошие лозунги и сильный страт для ломки советской ментальности, но не смогли сами их реализовать. В конечном итоге они же и скомпрометировали свои лозунги. Это – большой грех перед обществом, ибо такое положение привело к появлению фашистских групп и ностальгии по "сильному управлению".

Что движет современным экономическим обществом России? Главным в экономической жизни России на сегодня нам кажется возникновение нового, мгновенно выросшего широкого слоя *компрадорской буржуазии*, активно действующей в условиях начального рынка. Его сиюминутные интересы – это и есть реальная экономическая сила и движитель экономической динамики сегодня. Они достаточно узки и не совпадают с краткосрочными интересами общества. Но то, что в нашей экономике действительно удалось на сегодняшний день – идеально хорошо, с позиций ее реального движителя – компрадоров. Они пока не заинтересованы в чем-то ином, поэтому иного и нет.

Наивыгоднейшими сферами деятельности компрадоров являются торговля и финан-

совые спекуляции. Пока эти сферы не переполнятся, отечественное производство будет падать, несмотря ни на какие действия правительства. Часть компрадоров ушла в частные финансовые структуры, другая держит в руках власть. Обе удовлетворяют свои личные интересы и вполне довольны сегодняшним состоянием экономико-управленческой системы. Это, по-видимому, объективно неизбежно на нынешней стадии формирования начального капитала. Но если взглянуть на данное явление с позиций более отдаленного будущего, то создание концентрированного богатства — необходимая и дающая надежду предпосылка последующего быстрого роста экономики страны и поэтому может оцениваться в целом положительно.

Казалось бы, отдельной (и явно отрицательной) оценки требует тот низкий уровень организации государственного управления реформой, которым отличаются столь многие конкретные действия буквально всех органов власти. Государство не умеет даже взимать налоги, т.е. не может практически почти ничего. Можно по-разному объяснить эту неэффективность, связывая ее с новизной решаемых проблем, некомпетентностью аппарата либо саботажем чиновников. Создается впечатление, что все, что ни предпринималось в российской экономике, делалось всегда так, чтобы максимально взбудоражить общество (вспомним замену денежных купюр, компроментацию популярных частных банков и т.д.). В большинстве случаев народ удавалось взбудоражить за считанные часы до точки кипения. Почему подобные сценарии проводятся всегда по одной и той же схеме, а коррективы делаются лишь после того, как народ вспыхивает от негодования и никто за это не ответил и ничему не научился? Для чего? Этот вопрос заслуживает неэмоционального ответа. На наш взгляд, он таков. Подобные действия осуществляются с целью скомпрометировать те робкие шаги начала рыночных реформ, которые народ воспринял и которым он поверил, начав в них лично участвовать. И каждый раз он получал совершенно четкий удар ниже живота, жесткий показательный урок, смысл которого всегда был один — отвлечь общество от участия в рыночной реформе.

Какому же могущественному клану мешает, как кость поперек горла, экономическая реформа? Думается, наиболее правдоподобный вариант ответа таков.

Народ и "номенклатурный капитал" (по удачному выражению Ю. Буртина) объективно противостоят один другому: так или иначе, второй богатеет за счет первого. Большая хватка и сила, конечно, у номенклатурного капитала: исходной характеристикой все еще значительной части народа является ментальность обреченности и пассивность. Какое влияние это оказывает на реальный ход реформ? Казалось бы, только положительное: ведь предприниматели за торжество своей питательной среды — рынка. Но это — лишь со стратегических, принципиальных позиций. С позиций же сегодняшней тактики нынешние воротилы бизнеса больше всего заинтересованы в *максимальном продлении нынешнего переходного периода как исключительно эффективного для быстрого личного обогащения*. Стоит взглянуть на многочисленные курбеты экономической реформы именно таким образом, как многое становится на свое место и делается вполне осмысленным. По мере взросления рыночной экономической системы в стране возможности стремительного "дурного" личного обогащения, естественно, будут снижаться, но приближать эти сроки новые "хозяева жизни" по доброй воле, конечно, не хотят.

Главный источник быстрого обогащения тех, кто в этом преуспел, не столько нормальный эффективный бизнес, а полузаконные (но не отрегулированные существующим законодательством) махинации с денежными и материальными потоками, с преобразованием бывших государственных средств не столько в корпоративные, сколько в личные, собственные. Конкретные способы этих превращений хорошо известны, практикуются очень широким кругом "капитанов бизнеса", но поставить на их пути надежный законодательный барьер государственные органы не торопятся, ибо в личном плане сегодняшний русский "капитализм" их также устраивает намного больше, чем настоящий.

Таким образом, на деле происходит то, что отвечает жизненным интересам тех, кто

находится в эпицентре объективных экономических явлений. Реально удается что-то лишь потому, что это как раз и соответствует жизненным интересам компрадоров обоих типов – и стоящих у власти чиновников, и финансовых нуворишей.

Посмотрим теперь, как выглядят перечисленные макроэкономические тенденции на уровне конкретной отрасли. Ярким примером здесь может служить угольная промышленность России – отрасль базисная, со старыми традициями, продвигающаяся в новую рыночную систему через множество препятствий.

Историческое прошлое угольной промышленности на протяжении многих десятилетий представляло собой картину мнимого благополучия. Все в ней держалось на искусственных основах и подпорках. Нереальной, завышенной была расчетная величина потребностей страны в угле, система оценочных нормативов и критериев принятия хозяйственных решений – королевством кривых зеркал. Устанавливаемые государством, десятилетиями не менявшиеся и сильно заниженные цены на уголь не имели ничего общего с экономическими реалиями, подавляющее большинство угольных предприятий было "планово-убыточным" и содержалось исключительно за счет государственных дотаций. Производительность труда шахтеров – в 3–4 раза меньше, чем в западных угледобывающих странах. Однако себестоимость угля была также сравнительно невысокой, как и заработная плата, проценты на капитал не учитывались в ее составе, а земля и ее недра считались полностью бесплатными. Качество добываемого угля крайне низким и ухудшалось от года к году.

Практика финансирования базировалась на том, что прибыль и амортизация отбирались у предприятий государством, перераспределялись и вновь выдавались им из рук государства в виде дотаций и инвестиций. Главное внимание и денежные средства направлялись на прирост все новых производственных мощностей при полнейшем небрежении к вопросам поддержания действующих шахт, развитию социальной инфраструктуры и экологии. Накопленный в течение десятилетий "долг неосуществленных мер" достиг в конечном итоге совершенно неподъемных размеров.

Осуществлявшаяся десятилетиями подобная управленческая политика имела результатами, во-первых, запущенный и устаревший мощностной потенциал и, во-вторых, твердо запечатленный в мозгах работников менталитет пассивного иждивенчества. С этим тяжелым наследием и вошла отрасль в новую эпоху реформ.

В числе ее насущных сегодняшних задач стало преодоление технической отсталости, но одно оно уже не решит проблем. Новый важный феномен – чисто психологический: шахтерские массы подошли к черте своей социальной выносливости. Многократные грозные забастовки – феномен небывалый и невозможный в истории советской угольной промышленности. Он четко показал, что, во-первых, рабочие коллективы исчерпали прежнюю веру в поддержку "сверху" и, во-вторых, шахтеры стали заметным политическим субъектом, не считаться с которым уже невозможно.

Экономически необходима и неизбежна серьезная, комплексная реструктуризация отрасли, включающая широкомасштабное закрытие неперспективных предприятий и рабочих мест. Но на ее пути – тяжелые социальные последствия – драматичные решения по трудоустройству высвобождаемых работников.

Средства массовой информации и ряд специалистов выворачивают эту проблему наизнанку и пугают население массовой безработицей. Но на самом деле такое полностью негативное восприятие перспектив – это все та же старая ментальность абсолютного пассивного «что же это с нами делают?!». Действительный путь – активное, четко спланированное и организованное создание новых рабочих мест иного профиля, диверсификация производства, переподготовка шахтеров под новые профессии и их трудоустройство. Денег на продолжение дотаций у государства почти нет, а если их завтра совсем не станет, отрасль может не выжить.

Таков широкий комплекс переплетающихся, важнейших для отрасли и невероятно сложных проблем – и все острее становится ощущение упущенного времени для их решения. Сколько же нужно угля? Решаться ли на взрывоопасную ликвидацию бесперспективных шахт? Как увязать равнотяжелые задачи экономического и со-

циального характера? Как выйти из немыслимой ситуации, когда все поставщики и все потребители должны друг другу и не в силах расплатиться со своей задолженностью? Как быть, когда государство уже не может, но все еще хочет командовать по-прежнему, ничего не решая, но и не отпуская из своих объятий (а именно в этом и есть реальный интерес его чиновников)?

И аналогичная ситуация – практически во всех отраслях обширного, отпущенного "нагим на волю" российского хозяйства.

Есть ли у нас шансы двигаться дальше?

Объективно неизбежные сдвиги в обозримом будущем – это переполнение компрадорского рынка, появление конкуренции в нынешних сферах их деятельности, накопление большого частного первоначального капитала. Независимо от чьей-то воли именно с этого момента накопленный капитал начнет перетекать в производственную сферу, и тогда повысится эффективность производства. Но до такого момента еще надо дойти и, к сожалению, попытки ускорить естественный ход перемен – трудновыполнимы. Главным, однако, является то, что перспективы и характер экономических преобразований далеко не во всем зависят от взглядов и способностей тех или иных смен политических фигур.

Если на предстоящих выборах народ не поддержит реформаторов, это будет свидетельствовать, что "ставка" общества на "реформу сверху" кончилась. Однако можно предполагать, что какие-то процессы будут развиваться в любом случае более или менее в одних и тех же направлениях. Свернуть с пути рыночной реформы уже не удастся, да это и не нужно никому из действующих сил. Реальный ход событий в экономике предопределяется не столько тем, кто придет к власти, сколько законами экономического развития, а они ведут к рынку. Но те, кто придут, не будут, скорее всего, ни бессребренниками-идеалистами, ни людьми, чуждыми приманкам власти. Вольно или невольно это явится тормозом на пути объективно происходящего реформирования, подменяя его цели и затягивая мучительные для народа перемены.

В целом ход реформ будет, по-видимому, зависеть от столкновения интересов экономических групп. Главной из этих, реальных, групп стала сейчас компрадорская буржуазия, включающая и акул бизнеса, и мафию, и мелкую рыбешку. Их политические "взгляды" здесь ни при чем: они объединены сегодняшней возможностью сохранить дикий рынок на максимально длительный период.

Объективный ход развития экономики может быть таков: постепенное исчерпание старых возможностей наращивания обеих ветвей капитала – "народного" и "номенклатурного" – по мере роста конкуренции в старых (непроизводящих) областях и направление накопленных крупных капиталов, оседающих ныне в банках и торговле, в производство. В целом это довольно оптимистический сценарий. Однако в тот момент, когда капитанам бизнеса начнет мешать слабость властей, самое время будет появиться сильной руке. И, если это произойдет, неокрепшая демократия может пасть жертвой сильной власти. Но окажется ли эта власть наиболее способной довести экономическую реформу до успешного завершения и будет ли это соответствовать ее интересам?

Поступила в редакцию
22 XI 1994